

*Роман. Небольшое повествование,
преимущественно о любви.*

Из словаря Сэмюэля Джонсона

Часть первая

• • •

Дверь отворилась, и свет хлынул из коридора в комнату, омыв ее своими лучами. Слуга отпер ставни, распахнул их, остановился, потер руки и поглядел на заснеженные крыши Дукса. Старик, сидевший позади него в кресле, с собакой у ног, перестал всхлипывать и бормотать и чихнул от дневного света.

— К вам пришли, *mein Herr*¹. Посетительница, — произнес слуга, отворачиваясь от окна и разглядывая старика так, как будто это была фигура на одном из огромных гобеленов графа Вальдштейна, висевших в анфиладе нижних залов. Казалось, что этот человек был соткан из тонких, ветхих нитей, и никто не удивился бы, увидев сквозь его грудь спинку кресла.

— Посетительница?

— Дама, *mein Herr. Sehr schön*².

Так как граф был в отъезде, а дворецкий Фельдкирхнер не стесняясь называл старика полоумным, развалиной или даже похлеще, слуга осмелел. Он

---

¹ Мой господин (*нем.*).

² Очень красивая (*нем.*).

подмигнул, послал воздушный поцелуй и выскользнул из комнаты, пока старик, сражаясь с одеялами, с трудом встал на ноги и начал преследовать его, размахивая кулаками, как взбешенная улитка своими рожками.

— Якобинец! Говночист! Твой хозяин об этом еще услышит, воришка подзаборный! Ты что, забыл зажечь огонь? Хочешь заморозить меня до смерти? Чума тебе в нос!

Но ругаться не имело смысла. Он кричал по-итальянски, а точнее говоря, по-венециански, и эти варвары его не понимали. Старик в тысячный раз подумал, что ему стоило бы выучить несколько отборных выражений по-немецки и по-чешски, на языках, проникающих прямо в печень, подобно хорошему толедскому кинжалу. Тогда, возможно, его начали бы немного уважать, хотя время для таких чудес и революционных перемен, конечно, было давно упущено.

Он покачал головой и, шаркая, приблизился к окну. Из дюжины труб вился дым, а снег, переставший падать ночью, вновь повалил с неба и скрыл тонкую вязь птичьих следов на подоконнике. Рыночную площадь устлали снежные хлопья. В сравнении с важно гулявшими белыми гусями они казались тускло-серыми. Рядом виднелись и красные пятна пролитой крови.

Сегодня был день рыночной торговли и, очевидно, какой-то праздник, потому что на площади

собрались бродячие актеры со своими куклами из костей и проволоки. А вот и их старый мул, исправно доvezший труппу из Олмуца до Хубертусбурга. В такие дни старик, опираясь на палку, спускался вниз посмотреть на их представления. Актеры относились к нему тепло и душевно и уже несколько раз играли в его честь марионеточную комедию дель арте с Доктором, Бригеллой, Арлекином и, конечно, его любимцем, капитаном Спавентой, не носившим рубашек, потому что волосы на его груди то и дело вставали дыбом от гнева. Старик смеялся над капитаном, но частенько и плакал над его злоключениями глупыми, густыми, как янтарь, слезами. Остановить их ему никак не удавалось.

Вот где он должен встретить свой последний день! В богемском проходном дворе, на перекрестке всех ветров. Правда, весной и летом выдавались дни, когда с юго-запада налетал бриз и он полдня ощущал вкус иного мира — увитых цветами балконов и колоннад с пурпурными тенями. Казалось, что в эти часы можно было прожить всю жизнь в объятиях какой-нибудь красотки, вбирая в себя запах ее волос и нежное дыхание, согревающее его волосатую грудь.

Нет. Сейчас незачем думать о женщинах, хотя они по-прежнему снились ему, а когда он просыпался, то чувствовал под простыней набухшую плоть. Уж лучше ночи, когда сон был простым провалом сознания, репетицией смерти, от которой он

больше не прятался. Некогда утешавшие видения теперь только терзали его.

Он нашел на столе среди хлама остатки крутого яйца. Осмотрел его, выковырял кусок холодного белка, быстро проглотил половину и скормил другую своей фокстерьерше Финетт, потрепав ее за уши. Потом медленно наклонился и поцеловал бархатистую собачью шерсть с короткими кудрями.

— Разве эта ящерица не сказала, что к нам пришла гостья?

Собака поглядела на него не бессмысленно, а как-будто понимая, что может ответить ему лишь посапыванием, взмахом хвоста и тревожным рычанием. Старик пожал плечами. Он никого не ждал, но посетители по-прежнему являлись к нему. Он не разбирал имен, не запоминал их, но был рад, потому что они приносили подарки — вино, сыр маскарпоне, а порой и обожаемых им лангустов, из которых кухарка варила суп. Гости садились, любезно слушали его рассказы и кивали головой, побуждая к безрассудной откровенности, хотя он просто не представлял себе, о ком можно откровенничать, кто из его знакомых еще жив и покраснел бы от этих воспоминаний. Ему вдруг взбрело в голову надеть хороший камзол: у него остались один-два, не расползшихся от сырости и не съеденных молью. Он посмотрел на бумаги: из-за них его комната походила на кабинет неряшливого, полусумасшедшего чиновника. Давно пора их вы-

бросить, а то ведь от слуг никогда не дождешься. Старик вытер нос рукавом и почувствовал благодарность за то, что по-прежнему способен мыслить и считать себя гражданином мира, хотя это сознание было очень зыбким. Подобрал лежавшие рядом бумаги, привел их в порядок и покосился на заголовок на первой странице:

***ВОСПРОИЗВЕДЕНИЕ ГЕКСАЭДРА,
ПРОДЕМОНСТРИРОВАННОЕ
ПО ВСЕМ ПРАВИЛАМ ГЕОМЕТРИИ
В УНИВЕРСИТЕТАХ И АКАДЕМИЯХ ЕВРОПЫ.***

Под ним, на месте обещанной рукописи, значился список его вещей, пропавших при переезде в это сорочье гнездо, где он стал библиотекарем замка. А ниже — дюжина страниц с объяснениями, как при точном сочетании риска и арифметических правил можно выиграть в лотерею в Риме, Женеве или где-нибудь еще. Однако он никогда не пользовался предписаниями и не мог похвалиться крупными выигрышами.

Старик взял в руки кипу бумаг, словно белье для стирки, но вместо того чтобы убрать их в ящик или швырнуть под кровать, если там еще осталось место, прижал старые листы к груди и бросил их в остывший пепел. Потом зажег спичку и поднес ее к камину.

ПЫХ!

С какой жадностью разгорелся и набросился на них огонь! Синие и оранжевые губы поглоща-

ли чернила, мякоть бумаги, прекрасную линию тонких строк, нежные обращения по-французски и по-итальянски: «*Unico Mio Vero Amico*»¹, черный и красный сургуч. Он не без испуга понаблюдал с минуту и направился за новым топливом — любовными письмами; документами, написанными по-латыни; просьбами помочь деньгами, встретиться, выхлопотать какое-то место; всевозможные счета, особенно много их было — сотни, тысячи! — от портных и виноторговцев. Все в огонь, и пусть жаркий дым взвоется из трубы в железные небеса Богемии! Старик обшарил буфеты, сундуки с отпечатками пальцев Вальдштейнов, карманы камзолов, которые не носил месяцами, а то и годами. Сливовые глаза Финетт блестели от света, и она покорно следовала за хозяином, словно замороженная пробудившейся в нем энергией. Вскоре комната согрелась, а он по-прежнему откапывал новые материалы для горящего камина. Рукопись под названием «*Delle Passioni*»², замасленный и пожелтевший экземпляр готенбургской газеты. Старый паспорт в Каталонию — «*bon pour quinze jours*»³, — 1768. Вспомни Нину Бергонци, сказал он себе. Ее мать одновременно приходилась ей сестрой.

Почему он не сделал этого раньше, много лет назад? Старик чувствовал себя как воздухоплавате-

---

¹ «Мой единственный верный друг» (*ит.*).

² «О страстях» (*ит.*).

³ «Годен на пятнадцать дней» (*фр.*).

ли, сбрасывавшие сумки с песком, чтобы их шары, их воздушные гондолы вновь смогли парить в небе. Он и сам некогда собирался перелететь через Альпы в Триест, а затем в Венецию. Думал о том, как проберется сквозь густой туман над венецианским заливом и будет расшвыривать сверху лепестки роз или засохшее собачье дерьмо. Мысль эта кружила ему голову в течение месяца. Но в ту пору дули северные ветры и все крали у всех, и план не осуществился, подобно многим другим.

В огне сгорела дюжина стихотворных страниц, первая и единственная глава его великой «Истории Республики». Письма от Генриэтты, письма от Манон Балетти, либретто, предназначенное для композитора «Дона Жуана», но так ему и не отправленное. Криптограммы, воспоминания, дневники с записями снов и фантазий. Бумаги из прачечной. Рецепты фаршированных перцев и заливной свиной ноги. Ни конца, ни края! Его жизнь превратилась в бумагу, а сейчас он превратил бумагу в воздух, в шелковую, черную золу. И когда он решил, что жечь уже нечего, кроме старой газеты и мягкой, элегантной банкноты, денег столь же мертвых, как и отпечатанный на них король или император, то нашел засунутую в носки сапог для верховой езды — подарка нимфоманки герцогини Шартрской за излечение ее от прыщей — еще одну пачку писем, семь или восемь штук, перевязанных лентой ржавого цвета. Старик было собрался их